

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Innovation and Scientific Research

№ 1 / 2026

<https://innosci.ru/>

Главный редактор журнала:

Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Василевич Дмитрий Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, Международный университет «МИТСО», кафедра международного права, Минск, Беларусь.

Грэм Люк Д., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры публичного права и прав человека, Манчестерский университет, Манчестер, Великобритания

Гуторова Алла Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Здрок Оксана Николаевна, доктор юридических наук, доцент, проректор по учебной работе и образовательным инновациям, Белорусский государственный университет, кафедра гражданского процесса и трудового права, Минск, Беларусь.

Учредитель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: <https://innosci.ru/>

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-92141

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва.

© Innovation and Scientific Research, 2026 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Innovation and Scientific Research» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Innovation and Scientific Research» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Vasilevich Dmitry Grigoryevich, PhD in Law, Associate Professor, International University “MITSO”, Department of International Law, Minsk, Belarus.

Graham Luke D., PhD in Law, Senior Lecturer, Department of Public Law and Human Rights, University of Manchester, Manchester, UK

Gutorova Alla Nikolayevna, Doctor of Laws, Professor, Department of Constitutional Law, South-West State University, Kursk, Russia

Zdrok Oksana Nikolayevna, Doctor of Laws, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Educational Innovations, Department of Civil Procedure and Labour Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Founder:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: <https://innosci.ru/>

Media registration number: El No. FS77-92141

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Innovation and Scientific Research, 2026 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

Public-legal (state-legal) sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Innovation and Scientific Research" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Innovation and Scientific Research" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

总编辑的杂志：

Куровская纳塔利娅Kurovskaya, 总干事, 中国科学院科学和教育、顿涅茨克、俄罗斯联邦

成员的编辑委员会：

德米特里*梅德 Vasilevich 博士在法律系副教授 MITSO 国际大学国际法, 白俄罗斯明斯克。

格雷厄姆*卢克博士, 博士、高级讲师, 公共法律和人权, 曼彻斯特大学, 英国曼彻斯特

阿拉 N.Gutorova, 医生的法律教授, 该部宪法、西南国立大学, 库尔斯克、俄罗斯

Zdrok 奥克萨娜*尼古拉耶夫娜, 医生的法律系副教授、副校长对学术事务和教育创新、白俄罗斯国立大学的民事程序和劳动法, 白俄罗斯明斯克。

创始人：

有限责任公司"科学院科学与教育"

创始人的地址:41 阿尔乔姆 str., 房间 306b, 顿涅茨克城市, 顿涅茨克人民共和国、283086.

锡: 9303040432

检查站:930301001

OGRN:1259300002103

电话:+7(909)679-60-04

网站: <https://innosci.ru/>

传媒登记号码: 电邮号码 FS77-92141

出版者: Куровская 纳塔利娅 Kurovskaya, 总干事的 ANO 有限责任公司。

Адрес 出版商的地址: г. 莫斯科.

©创新和科学研究、2026 г.

频率为每年 4 次.

该杂志发表文章的下列科学专业：

公共法律(国家法律)科学

审查程序的文章

所有提交的稿件初步检查由编辑人员遵守该杂志的主题和检查的独创性(使用适当的软件和硬件系统)。 文章, 已经通过了这一阶段提交的匿名审查的成员在编辑委员会成员或

外部专家参与。受到接收积极的评价没有评论在物质的研究，该文接受出版，包括在编辑的投资组合和安置在接下来的问题的期刊。

科学杂志"创新和 科学研究"发表的科学和实用研究，在按照命名的科学专业，为其学位的奖励。

我们的杂志致力于使该出版物过程中尽可能方便用于作者，因此，它允许对设计各种选项，参考书目和参考资料。

所列出的来源是根据 GOST7.0.5-2008 年鉴于在该条结尾处在标题"列表中的资源"。以下格式的参考书目的是允许的：

- Внутритекстовые 内部文本链接(根据 APA 标准)
- 脚注(根据 GOST7.0.5-2008 年)
- 不-文本链接(根据 GOST7.0.5-2008 年)

我们提供者与灵活性设计，以尽量减少繁文缛节并侧重于内容的研究。最主要的是均匀内的文章本身。

出版物的费用

编辑委员会成员不收取作者收费为筹备、安置或印刷材料。

当使用出版杂志的材料的链接"创新和 科学研究"是必需的。

全部或部分转载的资料只允许用书面批准的文章的作者或编辑委员会。

编辑的观点来看并不总是符合提交人的观点。

内容 是提供 下 лицензией 的知识共享归属 4.0 许可证。内容可在知识共享归属 4.0 许可证。

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СМЕНЯЕМОСТИ ВЛАСТИ В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	8
К ПРОБЛЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО УСТАНОВЛЕНИЯ МИНИМАЛЬНОГО ВОЗРАСТА НАСТУПЛЕНИЯ ТРУДОСПОСОБНОСТИ	21
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИП КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	33
СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О СОСТОЯНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	46
ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ В ЧАСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕЛЕЙ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ В СТ. 3.1 КОАП РФ	57

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья

УДК 342.5

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СМЕНЯЕМОСТИ ВЛАСТИ В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

**Шопен Жюльен, Ph.D., постдокторант, Лозаннский университет, Лозанна,
Швейцария, julienchoplaus@mail.ru**

Аннотация

Принцип сменяемости власти, положенный в основу и Российского государства и многих зарубежных государств, вызывает споры по многим причинам. В этой статье рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы, связанные с его соблюдением. Автор берётся за основу Конституция РФ в её первоначальной редакции 1993 года и последней редакции, с учётом изменений, внесённых в результате конституционной реформы 2020 года. Рассматриваются некоторые изменения, внесённые в регулирование отношений, связанных с избранием на должность Президента, а также формированием законодательных органов власти. Рассматриваются некоторые зарубежные примеры решения вопроса сменяемости власти. Анализируются отдельные высказанные в науке точки зрения о недооценке в России указанного принципа. Подчёркивается особая важность соблюдения указанного принципа с точки зрения противодействия коррупции. Обосновывается нецелесообразность соблюдения принципа сменяемости власти как самоценности и обосновывается идея данного принципа как средства реализации демократии.

Ключевые слова: власть, Конституция РФ, несменяемость власти, Президент РФ, преемственность власти, принцип сменяемости власти, стабильность, традиции государственного управления

Original article

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF SUCCESSION OF POWER IN THE PRACTICE OF RUSSIAN AND FOREIGN CONSTITUTIONALISM: POSITIVE AND NEGATIVE CONSEQUENCES

**Julien Chopin, Ph.D., Postdoctoral Fellow, University of Lausanne, Lausanne,
Switzerland**

Abstract

The principle of succession of power, which is the basis of both the Russian state and many foreign countries, is controversial for many reasons. This article discusses some of the controversial issues related to its observance. The author takes as a basis the Constitution of the Russian Federation in its original version of 1993 and the latest version, taking into account the changes introduced as a result of the constitutional reform of 2020. Some changes introduced in the regulation of relations related to the election of the President, as well as the formation of legislative authorities, are being considered. Some foreign examples of solving the issue of succession of power are considered. The article analyzes individual points of view expressed in science about the underestimation of this principle in Russia. The special importance of observing this principle from the point of view of combating corruption is emphasized. The inexpediency of observing the principle of the changeability of power as an intrinsic value is substantiated and the idea of this principle as a means of realizing democracy is substantiated.

Keywords: power, Constitution of the Russian Federation, irremovability of power, President of the Russian Federation, continuity of power, principle of changeability of power, stability, traditions of public administration

Введение

Принцип сменяемости власти, в течение многих веков разрабатывавшийся выдающимися мыслителями и получивший наибольшую популярность

благодаря классикам Нового времени, в частности, Ш. Л. Монтескье, который полагал, что «обширность власти должна иметь свой противовес в кратковременности её существования» [8, с. 22], получил непосредственное воплощение в конституциях демократических государств.

В результате сейчас указанный принцип, даже если не упоминается в основном законе государства, как правило, остается негласным ориентиром демократического развития, реализуясь в других принципах, в частности, в принципах выборности власти и ограничении сроков пребывания у власти членов соответствующих выборных органов.

В России данный принцип, несмотря на отсутствие прямого упоминания в конституционных нормах, тем не менее, остаётся в числе ключевых, и вывод о его наличии можно сделать хотя бы на основе ст.ст. 81, 95, 96 Конституции РФ, которые ограничивают сроки пребывания у власти Президента РФ, депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации. Но отмечаемые в научной литературе тенденции ослабления гарантий сменяемости власти в России [7, с. 63–64], а также появившиеся в результате реформ 2014 и 2020 гг. некоторые изменения в Конституции РФ, оказавшие непосредственное влияние на воплощение принципа сменяемости власти, породили серьёзный научный и практический интерес к выбранной теме, прежде всего, ввиду необходимости дачи научно-правовой оценки развития отечественного конституционализма в контексте указанного принципа.

Основная часть

Под сменяемостью власти можно понимать происходящее с определённой регулярностью обновление состава выборных (представительных) органов и выборных лиц на базе законодательно установленного предельного числа сроков занятия одним лицом выборной должности [5]. Конечно, данное понятие можно определять и иначе, но представленный вариант определения, как мы полагаем, вполне точно отражает сущность исследуемого явления.

Исходя из изложенного представления о сменяемости власти, к категории лиц, которые должны быть сменяемы, надлежит относить прежде всего Президента, руководителей регионов (губернаторов) и глав муниципальных образований [9, с. 32].

Во вторую очередь можно говорить и о важности сменяемости членов законодательных (представительных) органов власти. Хотя, если исходить из практики формирования таких органов, то вряд ли можно говорить о сменяемости власти, даже если ориентироваться не только на Россию, но и на другие государства, в частности на США. Многие члены законодательных органов занимают соответствующие должности на протяжении многих лет.

Принцип сменяемости власти, если не углубляться в нюансы его понимания, в современном цивилизованном государстве не вызывает ни у кого сомнений с точки зрения необходимости его сохранения и развития. Во многом его можно считать негласным, ввиду отсутствия прямого упоминания, например, в нормах Конституции РФ. Тем не менее, данный принцип реализуется в вполне конкретных конституционных нормах, о чем было сказано выше. Это означает его несомненную значимость как с точки зрения науки, так и с точки зрения действующего формального законодательства, прежде всего конституционного. Изложенное также не позволяет поставить под сомнение указанный принцип, во всяком случае при рассмотрении принципиально важных основ демократического устройства государства. То есть автор, рассматривая как отечественный, так и зарубежный конституционализм, безоговорочно признает необходимость соблюдения указанного принципа, даже если де-юре он ставится (может ставиться) под сомнение в действующем законодательстве.

Конституция РФ при её принятии в 1993 году обеспечила вполне последовательную реализацию принципа сменяемости власти, установив, во-первых, ограниченные сроки пребывания у власти Президента РФ с запретом на избрание на данную должность более двух раз; во-вторых, ограничив сроки, на

которые избираются члены законодательных органов (Государственной Думы и Совета Федерации).

Однако определённые изменения, произошедшие за последние 30 лет, выразившиеся, в том числе, в укреплении вертикали власти и реформировании Конституции, внесли некоторые коррективы как в формальное понимание указанного принципа, так и в фактическое решение вопроса его соблюдения в практике государственного управления. Учитывая сказанное, можно согласиться с С. А. Манжосовым в том, что в России уже давно наблюдается тенденция ослабления гарантий сменяемости власти [7, с. 63–64].

Детальный анализ отдельных норм Конституции РФ не оставляет никаких сомнений в наличии указанной тенденции. В подтверждение этого целесообразно некоторые нормы рассмотреть именно в контексте исследуемого принципа. Например, особый интерес в контексте исследуемого вопроса вызывает ст. 81 Конституции РФ, претерпевшая существенные изменения в результате реформы 2020 года. В первоначальной редакции указанная статья в части ограничений содержала запрет одному и тому же лицу занимать президентскую должность более двух сроков. В результате конституционной реформы статья была дополнена частью 3.1, предусматривавшей исключение для действующего Президента, что означало неисполнение положений ч. 3 ст. 81 или, иначе говоря, избирательность применения ограничений на занятие президентской должности.

Однозначно, указанные изменения отразились на соблюдении принципа сменяемости власти не в лучшую сторону. Хотя, если попытаться осмыслить позитивные и негативные последствия указанного обстоятельства, то вряд ли можно сделать однозначный вывод. С одной стороны, безусловно, имел место формально и конституционно обоснованный отказ от исполнения прямого конституционно установленного запрета, ограничения; можно даже сказать об обоснованном обходе запрета. С другой стороны, соответствующее решение российского руководства способствовало стабилизации общественно-

политической ситуации в государстве. В этом смысле сделанное исключение для действующего главы государства можно считать оправданным, во всяком случае, с точки зрения практического решения проблем, стоявших перед страной в конкретный исторический момент. При этом прямого отказа от ограничений в части неоднократного избрания на президентскую должность не произошло, ведь соответствующее ограничение в Конституции осталось.

Нельзя не обратить внимание на ещё одно интересное обстоятельство. Ст. 95 Конституции РФ в её изначальной редакции 1993 года предполагала формирование Совета Федерации лишь представителями каждого из каждого из субъектов. Причём срок нахождения в числе членов данного органа был ограниченным для всех. В результате же конституционной реформы ст. 95 претерпела весьма существенные изменения: в неё был внесен ряд дополнений, которые не могут не вызвать определённых вопросов. Так, ч. 2 ст. 95 вела две дополнительные категории членов Совета Федерации (сенаторов), назначаемых Президентом в количестве не более 30 человек в качестве представителей Российской Федерации. При этом Президенту допустимо не более 7 сенаторов назначить пожизненно. Более того, сам Президент, прекративший исполнение своих обязанностей в связи с истечением срока пребывания в должности или ввиду отставки, тоже приобретает статус сенатора пожизненно. Указанные положения, безусловно, существенно ограничивают действие принципа сменяемости власти, и для демократического государства подобная норма носит совершенно беспрецедентный характер.

Нельзя не обратить внимание и на ч. 1 ст. 121 Конституции РФ, согласно которой судьи тоже являются несменяемыми. Учитывая принадлежность судьи к судебной ветви власти, указанная норма свидетельствует об определённом ограничении сменяемости власти и в рамках системы правосудия.

Вместе с тем, некоторые мотивы отечественного законодателя, исходя из которых он предусмотрел пожизненное нахождение в системе власти определённых лиц, автору вполне понятны. Более того, в некотором смысле они

обоснованы в конституционных нормах. В частности, ч. 5 ст. 95 Конституции гласит, что полномочия сенаторов пожизненно могут исполняться лишь теми гражданами, которые имеют выдающиеся заслуги перед Россией в области государственной и общественной деятельности. В этом смысле указанное положение даёт определённое понимание анализируемого решения законодателя.

Несмотря на изложенные тенденции ограничения действия принципа сменяемости власти, он продолжает оставаться в числе важнейших, что выражается, в частности, в выборности власти. В связи с этим можно со всей уверенностью утверждать о том, что отечественный конституционализм по-прежнему базируется на принципе сменяемости власти. И нельзя не подчеркнуть, что под сомнение ставится больше не сам принцип сменяемости власти как таковой, как некое конституционное положение, а способность оппозиции, противостоящей действующей власти и способность конкретных субъектов, претендующих на то, чтобы сменить действующую власть, стать достойной заменой, поддерживаемой народом.

Что же касается наличия должностей, занимаемых пожизненно, то их количество не столь велико, чтобы можно было говорить о полной несменяемости власти. Во-вторых, есть и им определённое объяснение, причём базирующееся не только на особых заслугах перед отечеством. Думается, что наделение Президента РФ правом пожизненно назначить на сенаторские должности некоторых особо заслуженных лиц, а также возможность самому пожизненно занимать сенаторскую должность, исходит из соображений обеспечения преемственности власти, что тоже представляется крайне важным, особенно учитывая так называемые перевороты в отдельных странах. Венесуэле и Украине, где на смену прежней власти приходили сторонники кардинальных перемен, результатом была дестабилизация ситуации в стране, а не улучшение положения как во внутренней, так и во внешней политике. Именно в этом понимании преемственность особенно важна.

Помимо того, допустимость некоторого ограниченного круга лиц к участию в управлении государством на пожизненной основе в определённом смысле способствует формированию некоторых традиций государственного управления, что тоже представляется важным в контексте обеспечения долгосрочного стратегического развития.

Если абстрагироваться от российских правовых реалий и обратить внимание на конституции других государств, станет очевидно, что и в них о принципе сменяемости власти, как правило, не упоминается. Несмотря на это, сама идея сменяемости власти, как правило, реализуется в том или ином виде в основных законах разных стран и практике формирования соответствующих органов власти, на что указывается в литературе [7, с. 69]. Изложенное не является случайным, ведь сменяемость власти можно считать демократической ценностью, свидетельствующей, как минимум, о немонархическом характере власти.

В литературе высказывается мнение о недооценке принципа сменяемости власти в пределах постсоветского пространства. Причём Россия в этой связи ставится в один ряд с странами Средней Азии, где указанный принцип и вовсе обесценен [7, с. 79]. Определённые основания к этому дало Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 года № 1-3 [2], в котором была дана оценка конституционных изменений, затрагивающих вопросы неоднократного избрания одного и того же лица на должность главы государства. Конституционный Суд в этом обстоятельстве не усмотрел каких-либо нарушений принципа сменяемости власти.

Выводы Конституционного Суда, представленные в указанном заключении, дали С. А. Манжосову основания для утверждения об отсутствии у Конституционного Суда намерений учитывать и практически применять указанный принцип [7, с. 79]. Думается, что это мнение не является безосновательным.

С другой стороны, если обратиться к опыту других стран, то станет очевидно, что отечественная практика неоднократного избрания одного и того же лица на должность главы государства не является какой-то особенной, уникальной, поскольку в мире существует 5 подходов к решению вопроса сменяемости власти относительно главы государства:

- 1) отсутствии запрета на неоднократное избрание на президентскую должность одного и того же лица (Беларусь, Италия, Исландия);
- 2) отсутствие ограничений числа президентских сроков с запретом на последовательное переизбрание (Перу, Уругвай, Чили, Швейцария);
- 3) установление двух президентских сроков (Венгрия, Греция, Ирландия, Польша, Португалия, Румыния, Турция, США, Хорватия, Черногория);
- 4) установление двух последовательных президентских сроков (Австрия, Аргентина, Болгария, Бразилия, Германия, Грузия, Израиль, Казахстан, Россия, Финляндия, Франция, Чехия);
- 5) запрет на переизбрание на должность главы государства (Армения, Корея, Мексика) [9, с. 33].

В данном случае внимание стоит обратить, например, на Италию как страну, в которой нет каких-либо запретов на неоднократное избрание одного и того же лица на президентскую должность, также Швейцарию, где запрещено лишь последовательное переизбрание. Тем не менее, данные страны считаются одними из передовых, в том числе и в плане правового развития. В этой связи жёсткая критика России как страны, где на должность главы государства неоднократно переизбирался один и тот же человек, вряд ли может считаться состоятельной.

С другой стороны, нельзя не признать особой важности сменяемости власти, причём именно главы государства, особенно в стране, где власть его наиболее сильна, ведь именно президент играет ключевую роль в формировании правительства, а также в определении ключевых направлений государственной политики, в том числе и правовой политики. Фактор коррупции – один из тех,

которые в значительной степени зависят именно от сменяемости власти. И там, где власть остаётся на протяжении многих лет несменяемой, фактор коррупции проявляется наиболее выражено [3, 2002. С. 40; 6, с. 94].

Конечно, коррупция – это не единственный результат многолетней несменяемости власти, а лишь один из многих. Тем не менее, поддержка принципа сменяемости власти является основанием для выдвижения многих идей о совершенствовании законодательства. Например, проф. А. А. Кондрашев предлагает максимально широко подходить пониманию сменяемости власти, установив дополнительные ограничения, а именно запрет избрания на пост главы государства родственников бывшего главы государства, а также лиц, замещавших должности председателя Правительства, заместителей председателя, министров, генерального прокурора, руководителя Следственного комитета, руководителя президентской Администрации и его заместителей, а также руководителей и заместителей спецслужб [5, с. 97–98].

Взгляды, безусловно, являются обоснованными, тем не менее возникает вопрос о том, не будет ли в таком случае утерян страной опыт, если от управления отойдут лица, которые на протяжении многих лет совершенствовались в этой деятельности? «А кто даст гарантию, что он новый будет лучше? Кто даст гарантию, что страна начнет развиваться быстрее и лучше?» [4, с. 13] – задается вопросов проф. А. М. Дроздова.

Заключение

Принцип сменяемости власти, ставший одной из важнейших идей современного конституционализма и в России, и за рубежом, в разных странах реализуется по-разному. При этом основное внимание, как правило, обращают на президента и ограниченность сроков его пребывания во главе государства. Хотя, если рассматривать данный принцип широко, то проблематика сменяемости власти должна касаться также других субъектов и структур, прежде всего, представительных органов, а в определённой степени и исполнительных, и судебных.

Рассматриваемый принцип является свидетельством немонархического государства с реализуемыми демократическими началами. Тем не менее, отдельные нюансы его реализации вызывают споры. В конечном итоге, смена власти не всегда позитивно отражается на развитии государства. В этом смысле принцип сменяемости власти важно сохранить, однако к реализации целесообразно подходить, учитывая обстановку в конкретном государстве. В этом смысле принцип сменяемости власти не должен рассматриваться по себе как ценность. Он является лишь средством реализации демократии.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 4 июл.
2. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.
3. Бондаренко С. В. Коррумпированные общества. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2002. 362 с.
4. Дроздова А. М. Сменяемость власти: сущность и необходимость // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2020. № 20. С. 10–15.

5. Кондрашев А. А. Сменяемость власти как конституционная ценность // Российский юридический журнал. 2016. № 3(108). С. 90–99.
6. Лукьянова Е. А. Политические режимы, коррупция и конституционализм // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 1(6). С. 92–105.
7. Манжосов С. А. Теория и практика сменяемости власти: чьим традициям следует Россия? // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3(136). С. 63–81.
8. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.
9. Черепанов В. А. О правовых вопросах сменяемости власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 30–44.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 4 iyul.
2. Zaklyuchenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.03.2020 № 1-Z «O sootvetstvii polozheniyam glav 1, 2 i 9 Konstitucii Rossijskoj Federacii ne vstupivshix v silu polozhenij Zakona Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii "O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel`ny`x voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti", a takzhe o sootvetstvii Konstitucii Rossijskoj Federacii poryadka vstupleniya v silu stat`i 1 dannogo Zakona v svyazi s zaprosom Prezidenta Rossijskoj Federacii» // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 2020. № 12. St. 1855.
3. Bondarenko S. V. Korrumpirovanny`e obshhestva. Rostov-na-Donu: Rostizdat, 2002. 362 s.
4. Drozdova A. M. Smenyaemost` vlasti: sushhnost` i neobxodimost` // Vestnik obshhestvennoj nauchno-issledovatel`skoj laboratorii «Vzaimodejstvie ugolovno-ispolnitel`noj sistemy` s institutami grazhdanskogo obshhestva: istoriko-pravovy`e i teoretiko-metodologicheskie aspekty`». 2020. № 20. S. 10–15.

5. Kondrashev A. A. Smenyaemost' vlasti kak konstitucionnaya cennost' // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 3(108). S. 90–99.
6. Luk'yanova E. A. Politicheskie rezhimy', korrupciya i konstitucionalizm // Voprosy' teoreticheskoy e'konomiki. 2020. № 1(6). S. 92–105.
7. Manzhosov S. A. Teoriya i praktika smenyaemosti vlasti: ch'im tradiciyam sleduet Rossiya? // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2020. № 3(136). S. 63–81.
8. Montesk'e Sh. L. O duxe zakonov. M.: My'sl', 1999.
9. Cherepanov V. A. O pravovy'x voprosax smenyaemosti vlasti // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 11. S. 30–44.

Научная статья

УДК 349.2

К ПРОБЛЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО УСТАНОВЛЕНИЯ МИНИМАЛЬНОГО ВОЗРАСТА НАСТУПЛЕНИЯ ТРУДОСПОСОБНОСТИ

**Харрисон Карен, Ph.D., профессор права и уголовного правосудия,
Университет Линкольна, Линкольн, Англия, Великобритания,
kharrisonlawln@yandex.ru**

Аннотация

Законодательное установление минимального возраста наступления трудоспособности относится к сложнейшим проблемам современного российского трудового права. Трудовой кодекс РФ содержит некоторые противоречия, которые и определяют исследовательский интерес к данной теме. Предусматривая право гражданина на заключение трудового договора с 16 лет, законодатель тем не менее, вводит и ряд случаев, позволяющих гражданину заключать трудовой договор до достижения 16 лет, в чем видятся явные противоречия. В статье проводится обзорный анализ норм трудового законодательства, регулирующих вопросы возрастных ограничений для несовершеннолетних граждан в части заключения трудовых договоров. Отмечаются некоторые противоречия в регулировании указанных аспектов. Подчёркивается неконкретность определения понятие «трудоспособность». Автор также обращается к советскому опыту нормативного закрепления понятий общей и профессиональной трудоспособности, обосновывая при этом целесообразность первоочередной ориентации именно на общую трудоспособность в вопросе допуска несовершеннолетних лиц к трудовой деятельности. Также автор соглашается с важностью особой заботы о подрастающем поколении и сохранении определённых ограничений на допуск к труду данной категории граждан. Подводя итоги, автор предлагает конкретизировать критерии, на базе которых должна определяться

трудоспособность (вне контекста инвалидности или временной нетрудоспособности), с учетом не только формального, но и фактического аспекта готовности к выполнению трудовой деятельности.

Ключевые слова: дееспособность, субъекты трудовых отношений, наступление трудоспособности, несовершеннолетний, трудовые отношения, трудоспособность, трудоспособный возраст

Original article

ON THE PROBLEM OF THE LEGISLATIVE ESTABLISHMENT OF THE MINIMUM AGE FOR THE ONSET OF WORKING CAPACITY

Karen Harrison, Ph.D., Professor of Law and Criminal Justice, University of Lincoln, Lincoln, England, United Kingdom

Abstract

The legislative establishment of a minimum age for the onset of working capacity is one of the most complex problems of modern Russian labor law. The Labor Code of the Russian Federation contains some contradictions that determine the research interest in this topic. While providing for the right of a citizen to conclude an employment contract from the age of 16, the legislator nevertheless introduces a number of cases that allow a citizen to conclude an employment contract before the age of 16, which clearly contradicts. The article provides an overview of the norms of labor legislation governing age restrictions for minors in terms of concluding employment contracts. There are some contradictions in the regulation of these aspects. The ambiguity of the definition of the concept of "ability to work" is emphasized. The author also refers to the Soviet experience of normative consolidation of the concepts of general and professional ability to work, while justifying the expediency of prioritizing general ability to work in the issue of admission of minors to work. The author also agrees with the importance of taking special care of the younger generation and maintaining certain restrictions on the admission of this category of citizens to

work. Summing up, the author suggests specifying the criteria on the basis of which working capacity should be determined (outside the context of disability or temporary disability), taking into account not only the formal, but also the actual aspect of readiness to work.

Keywords: legal capacity, subjects of labor relations, onset of working capacity, minor, labor relations, working capacity, working age

Introduction

В системе основных прав, гарантированных гражданам, особое место занимает право на труд, предусмотренное 7 and 37 of the Constitution of the Russian Federation [1] and detailed in the norms of the Labor Code of the Russian Federation [3] (Labor Code of the Russian Federation). The exercise of this right, both in general and in some individual components, is associated with the onset of a citizen's ability to work due to reaching the age specified in the law. And the issue of the legislative establishment of the minimum age at which the ability to work arises and the right to enter into an employment relationship appears, having concluded an employment contract, is the cause of lively discussions. This forced the author to address this problem as one of the most relevant for modern Russia.

The main part

Guided by the general rule set out in Part 1 of Article 63 of the Labor Code of the Russian Federation, we note the right to enter into an employment contract upon reaching the age of 16. The establishment of this age characteristic is due to the onset of working age: it is when a citizen reaches the age of 16 that he is recognized as able-bodied [6].

But the Labor Code of the Russian Federation in Article 63 also contains a number of exceptional cases when an employment contract can also be concluded by a citizen who has not reached the age of 16. This means that the issue of determining the age of disability is not unambiguous, even from the point of view of the legislator.

Upon reaching the age of 15, in accordance with Part 2 of Article 63 of the Labor Code of the Russian Federation, citizens have the right to enter into labor relations, but only if they "perform light labor that does not harm their health." At the same time, in certain cases, it is also important that there is no damage to the development of the educational program, if a citizen belonging to the specified age category of employees left the educational organization or was expelled from it.

That is, the first and main condition for deviating from the general rule, which allows reducing the minimum threshold for the onset of working age, is the absence of harm to health. This condition is particularly important given that in many cases working conditions, although within the legal framework, do not provide adequate safety. Formal confirmation of this is, for example, Article 14 of the Federal Law "On special assessment of working conditions" [5]. Based on this standard, working conditions can be: optimal, acceptable, harmful and dangerous. And, of course, the legislator cannot fail to take into account this specific nature of labor activity, which is especially important in conditions when the state seeks to provide the younger generation with proper care, the most favorable (possible) conditions for growth, development, education, and the formation of the individual as a whole.

Here, an important condition and an important nuance is that there is no obligation to obtain the consent of the parents and the guardianship authority. That is, since the age of 15, the legislator has provided a certain freedom to enter into labor relations, albeit limited. This gives the right to fully assert the emergence of working capacity, at least partially or limited, in 15 years.

In addition, Part 3 of Article 63 of the Labor Code of the Russian Federation allows the conclusion of an employment contract with a person who has reached the age of 14, but only with the written consent of one of the parents (guardian) and only for performing light work that does not cause harm to health. And if such an employee receives a general education, then labor activity can be carried out exclusively in his free time from receiving education and without prejudice to the development of the educational program.

The fact that the legislator allows entering into an employment relationship after reaching the age of 14, even if it requires the consent of legal representatives, also indicates that there is a certain ability to work at such an early age, although this ability to work is less pronounced in comparison with the ability to work of persons who have reached the age of 15 or 16. And it is obvious that the key condition for the formal emergence of working capacity at the age of 14 is the consent of the parents or guardian.

Tsch. 5 of Article 63 of the Labor Code of the Russian Federation in relation to work in cinematography organizations, theaters, theater and concert organizations, circuses also allows the conclusion of an employment contract with citizens who have not reached the age of 14, if the work consists in creating and (or) performing (exhibiting) works and does not cause damage to health and moral development. In this case, the parent or guardian of the minor employee is authorized to sign the employment contract. Moreover, it is mandatory to obtain permission from the guardianship and guardianship authority, which is also authorized to determine the maximum allowable duration of daily work, as well as other working conditions.

The considered norm indicates the possibility of even more limited working capacity at an earlier age. And the fact that the employee himself, who de jure enters into an employment contract, does not have the right to sign it, raises some questions, in particular, the question of the appropriateness of considering him as a full-fledged subject of labor relations. Nevertheless, the very fact of recognizing the ability to perform certain labor duties means that even before the age of 14, a citizen can be de facto able to work, at least partially, with very significant restrictions.

This means that the concepts of "ability to work" and "able-bodied citizen", including in the age aspect, are very contradictory in Russian legislation, and the contradictions are largely due to the presence of some additional conditions for concluding an employment contract in relation to persons under the age of 16.

Another reason for the contradictions is seen in the discrepancy between the formally established age criteria for the onset of working capacity and legal capacity.

The latter is determined by a citizen reaching the age of majority (18 years) in accordance with Article 21 of the Civil Code of the Russian Federation [2].

That is, the onset of disability cannot be directly correlated with the onset of adulthood, at least formally. Although, if we take into account the existence of significant restrictions and specifics of regulating the work of persons who have reached the age of 16, but have not reached the age of 18, we can see a certain conditionality of working capacity and adulthood, although this conditionality is not so obvious.

A citizen becomes fully capable from the age of 18, while he becomes fully capable de jure from the age of 16. However, until the age of 18, the legislator still provides additional guarantees that reflect special concern for the safety of such persons (Chapter 42 of the Labor Code of the Russian Federation). Upon reaching the age of 18, additional guarantees no longer apply to a citizen. This makes it possible to question the emergence of full working capacity at the age of 16. It seems that it occurs precisely with the attainment of adulthood.

If we ignore the norms of the Labor Code of the Russian Federation and other legislative and bylaws, asking the question on the basis of which the legislator set the appropriate age criteria for working capacity, it is unlikely that we will be able to answer it accurately. Here it is appropriate to emphasize the ambiguity of the definitions of working capacity presented in the legislation and literature, as indicated, for example, by E. Y. Belogradov and A. E. Panov [9, p. 47].

It is interesting that some official documents, where the issues of working capacity are considered in sufficient detail, do not reflect exactly the specific criteria on the basis of which the issue of recognizing a person as able to work is resolved (outside the context of establishing disability and assessing temporary disability). For example, Letter No. 14-6 / 10 / B-8769 of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 30.05.2024 [7] contains a section on the legal grounds for entering into an employment contract with minors. And in this section, only the provisions are mentioned, based on which it is allowed to enter into an employment relationship after

reaching a certain age. However, it does not say on the basis of what criteria the ability to work is determined in relation to persons under 18 years of age.

As a result of studying the federal legislation, it was possible to find only one case of clarifying the concept of working capacity, where it is understood as the ability of an employee to carry out labor activity [4]. However, there is no detail in this case. Moreover, it is not entirely clear what kind of working capacity is implied by the legislator both in a particular case and in general when mentioning the corresponding concept.

And here it is impossible not to pay attention to the fact that in the USSR, since 1961, some ideas about working capacity have been formulated, and they are fixed in the standard: first, professional ability to work, interpreted as the ability to work in one's profession, and secondly, general ability to work, defined as a person's ability to perform unskilled labor, has been singled out. [8]. And despite the fact that the document in which these definitions were presented has now lost its legal force, the definitions themselves are of interest from the point of view of scientific understanding.

Taking into account the above, we consider it important in terms of legal regulation of the work of minors in general, including in determining the age of disability, to understand the ability to work as the ability to perform unskilled labor, that is, any work that does not require special knowledge, skills, special training, or vocational education. And it is this approach that makes it possible to see the appearance of working capacity at the earliest possible age, including before a citizen reaches 14 years of age.

However, the legislator, including in order to exclude the excessively early involvement of minors in work, which may negatively affect their educational activities, development and health, is in no hurry to introduce any rules that would reduce the sixteen-year-old age of disability.

In science, the question of determining the ability to work has broader views. Within their framework, two approaches that have gained considerable popularity have been formed. In one case, medical criteria are taken as a basis, according to which a

person's fitness for work is assessed. In this case, the main attention is paid to the absence of risk for the person himself when carrying out work. In other words, if a person is able to carry out labor activity and this work does not entail a significant risk for him, then the presence of working capacity is recognized. The second approach is based on a whole system of heterogeneous criteria, which are grouped into 4 levels and assume: first, an assessment of the functional characteristics of a person (health, physical, mental characteristics); second, acquired knowledge, skills, skills, experience; third, motivation; fourth, the working environment [10, pp. 20-21].

Of course, combining both concepts gives a more comprehensive view of the ability to work. However, if we talk about the formal aspect, the Russian legislator focuses primarily on the medical criterion.

Given the obvious desire of the Russian legislator to limit the work of minors as much as possible, it also becomes clear that when determining the ability to work, he takes as a basis indicators of physiological (functional) and intellectual indicators of human development as a person. In other words, the functional aspect of the state of the human body is taken into account, including the state of the cardiovascular, respiratory, musculoskeletal systems, as well as the central nervous system [10, p.22]. And this condition is obviously caused, among other things, by reaching a certain age, first of all, 16 years. Of course, reaching the specified age characterizes a person's compliance with certain characteristics that are important for work, but only conditionally.

Therefore, the emergence of working capacity reflects two aspects: actual and legal: actual means the ability to perform a particular labor activity, regardless of the type of work performed. As for the legal aspect, it reflects the existence of the corresponding right to become a subject of labor relations. And the fact that a citizen who has not reached the age of 16, for example, is not recognized as able to work *de jure* does not mean that in fact he is not able to perform any work.

Conclusion

In the current legislation, the actual aspect of working capacity is not reflected in any way, but there is only a purely formal aspect, on the basis of which it is customary to associate the onset of working capacity with the achievement of the age of sixteen. This approach of the legislator is dictated by the desire to provide first of all conditions for personal development and education, but not by the actual inability of minor citizens to perform any work. In this regard, we consider it necessary to regulate the issue of setting the minimum age of working capacity in the norms of labor legislation on the basis of certain criteria that take into account, first of all, the actual readiness of a citizen to work, and not the formal aspect of working capacity expressed by the fact of reaching the age of 16.

The presented conclusion is based, inter alia, on the existence of contradictions between the formally established age of sixteen when the right to conclude an employment contract arises and the possibility of concluding an employment contract at an earlier age, as well as the appearance of actual working capacity before reaching the age of 16.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 28.12.2013 № 426-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О специальной оценке условий труда» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
6. Постановление Правительства РФ от 26.06.2021 № 1022 (ред. от 15.12.2022) «Об утверждении Правил установления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в субъектах Российской Федерации на очередной год» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
7. Письмо Минтруда России от 30.05.2024 № 14-6/10/В-8769 // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
8. Постановление Госкомтруда СССР от 22.12.1961 № 483/25 «Об утверждении правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой» // Бюллетень Госкомтруда СССР. 1962. № 1. Ст. 3. – утратило силу.
9. Белогрудов Е. Ю., Панов А. Е. Об особенностях определения общей и профессиональной трудоспособности в судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья // Главный врач Юга России. 2008. № 1 (13). С. 46–47.
10. Разуванов А. И., Дзержинская Н. А., Пацко А. И. Трудоспособность лиц с инвалидностью: место работоспособности в интегративной оценке // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2024. Т. 23, № 3. С. 18–27.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 08.08.2024) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
3. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 08.08.2024) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
4. Federal'ny'j zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 08.08.2024) «Ob osnovax oxrany' zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
5. Federal'ny'j zakon ot 28.12.2013 № 426-FZ (red. ot 24.07.2023) «O special'noj ocenke uslovij truda» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.06.2021 № 1022 (red. ot 15.12.2022) «Ob utverzhdenii Pravil ustanovleniya velichiny' prozhitochnogo minimuma na dushu naseleniya i po osnovny'm social'no-demograficheskim gruppam naseleniya v sub`ektax Rossijskoj Federacii na ocherednoj god» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
7. Pis'mo Mintruda Rossii ot 30.05.2024 № 14-6/10/V-8769 // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
8. Postanovlenie Goskomtruda SSSR ot 22.12.1961 № 483/25 «Ob utverzhdenii pravil vozmeshheniya predpriyatiyami, uchrezhdeniyami, organizatsiyami ushherba, prichinnogo rabochim i sluzhashhim uvech'em libo iny'm povrezhdeniem zdorov'ya, svyazanny'm s ix rabotoj» // Byulleten' Goskomtruda SSSR. 1962.№ 1. St. 3. – utratilo silu.
9. Belogradov E. Yu., Panov A. E. Ob osobennostyax opredeleniya obshhej i professional'noj trudosposobnosti v sudebnoj praktike po delam o vozmeshhenii vreda, prichinnogo povrezhdeniem zdorov'ya // Glavny'j vrach Yuga Rossii. 2008. № 1 (13). S. 46–47.

10. Razuvanov A. I., Dzerzhinskaya N. A., Paczko A. I. Trudosposobnost' licz s invalidnost'yu: mesto rabotosposobnosti v integrativnoj ocenke // Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta. 2024. T. 23, № 3. S. 18–27.

Научная статья

УДК 342

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИП КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Соццо Максимо, Ph.D., профессор социологии, права и криминологии,
Национальный университет Литоралья, Санта-Фе, Аргентина,
msozarg_sf@mail.ru**

Аннотация

В статье исследуется проблема преемственности в аспекте конституционно-правового развития современной России. В ходе анализа рассмотрено понятие «преемственность» в конституционно-правовом, историческом, философском, культурном контексте; отражено содержание преемственности и сделан вывод о её комплексном характере. Основная проблематика рассматривается на примере Конституции РФ 1993 г. Особо детально анализируется ст. 67.1, введённая в результате реформы 2020 г. и закрепившая принцип преемственности развития, что автор расценивает как закономерный результат. В статье также обосновывается особая важность отдельных конституционных положений, раскрывающих содержание преемственности, в том числе положения об нормы о правопреемстве России по отношению к СССР, которое оценивается как важное условие сохранения статуса России на международной арене как одного из главных участников ООН и ядерной державы, в том числе ввиду упоминания в Уставе ООН именно Советского Союза, а не Российской Федерации. Обосновывается недопустимость отказа от принципа преемственности. Делается вывод о недопустимости использования нормы о статусе России как правопродолжателе Советского Союза, для перехода к социалистическому пути развития экономики.

Ключевые слова: исторические традиции, конституционная реформа, конституционно-правовое развитие, Конституция РФ, Конституция СССР 1936 г., Конституция СССР 1977 г., принцип преемственности, правовая эволюция

Original article

CONTINUITY AS A PRINCIPLE OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Maximo Sozzo, Ph.D., Professor of Sociology, Law and Criminology, National University of the Littoral, Santa Fe, Argentina

Abstract

The article examines the problem of continuity in the aspect of the constitutional and legal development of modern Russia. In the course of the analysis, the concept of "continuity" is considered in the constitutional, legal, historical, philosophical, and cultural context; the content of continuity is reflected and a conclusion is made about its complex nature. The main problem is considered on the example of the Constitution of the Russian Federation of 1993. Article 67.1, introduced as a result of the 2020 reform and consolidating the principle of continuity of development, is analyzed in particular detail, which the author regards as a natural result. The article also substantiates the special importance of certain constitutional provisions that reveal the content of continuity, including provisions on the rule of succession of Russia in relation to the USSR, which is assessed as an important condition for preserving Russia's status in the international arena as one of the main participants in the United Nations and a nuclear power, including due to the mention of the Soviet Union in the UN Charter., not the Russian Federation. The inadmissibility of abandoning the principle of succession is substantiated. The conclusion is made about the inadmissibility of using the norm on the status of Russia as the legal successor of the Soviet Union for the transition to the socialist path of economic development.

Keywords: historical traditions, constitutional reform, constitutional and legal development, Constitution of the Russian Federation, Constitution of the USSR of 1936, Constitution of the USSR of 1977, principle of continuity, legal evolution

Введение

Развитие Российской Федерации во многих сферах и, прежде всего, в правовой сфере, идет в соответствии с принципом преемственности, роль которого даже если и не является ведущей, но, тем не менее, остается весьма значимой. Поэтому указанный принцип, как одна из основ конституционно-правового развития современной России, заслуживает особого внимания, которого, однако, удостоивается нечасто. В научных исследованиях принцип преемственности в контексте конституционно-правового развития, как правило, фактически остается второстепенным.

Недостаточное внимание к вопросам, связанным с реализацией указанного принципа, не означает, что данная сфера общественных отношений менее проблемная, чем другие, пользующиеся популярностью у ученых. Здесь присутствует масса сложных вопросов, которые играют далеко не последнюю роль для конституционно-правового развития России. К ним могут быть отнесены, например, вопросы трактовки преемственности, соотношения данного принципа и иными идеями, обеспечивающими правовой прогресс Российского государства и общества. Поэтому указанные аспекты предполагается исследовать в настоящей статье.

Основная часть

Преемственность оценивается как одна из важнейших составляющих конституционного права [7, с. 31]. Однако в нормах конституционного законодательства, а именно Конституции РФ [1], понятие и содержание преемственности не раскрывается. Поэтому каждый из учёных, обращающийся к данной теме, имеет все возможности для свободной трактовки преемственности.

Т. И. Ряховская, указывая на наличие с различных позиций, с которых преемственность рассматривается, обобщенно трактует ее в контексте теории как повторение и воспроизведение правом государства положений прошлых лет этого же государства или этой же правовой системы [7, с. 34]. И, конечно, в данном определении лишь абстрактно раскрыта суть преемственности, а более

точные трактовка этого понятия вряд ли возможны, учитывая многообразие вариантов реализации преемственности в практике государственного управления и развития права.

Реализовываться принцип преемственности в практике государственного управления и правового развития может совершенно по-разному, в том числе через сохранение связей в существующего порядка, закрепленного действующей конституции:

- с предшествующей доктриной и практикой конституционного регулирования («конституционная реставрация»);
- с формой закрепления конституционных норм;
- с принципами конституционного устройства;
- в смысловом наполнении конституционных положений;
- в международных обязательствах [7, с. 34].

Конечно, возможны и другие формы реализации преемственности, но независимо от них главным сущностным выражением преемственности, как полагает Т. И. Ряховская, является сохранение традиционности [7, с. 41]. То есть традиционность сохраняется посредством реализации принципа преемственности. С другой стороны, преемственность реализуется через сохранение традиций. И тут усматривается обоюдная взаимосвязь, взаимообусловленность.

В таком взгляде на преемственность очевидна конкретная политико-правовая составляющая, и исходя из такого понимания преемственности действуют, в том числе, современные российские власти. Наличие же перечисленных выше компонентов преемственности усматривается во многих нормах действующей Конституции.

И. М. Чудинова раскрывает сущность преемственности через ее содержание, включающее в себя сохранение, передачу и развитие социального опыта, материальные и духовные достижения, в которых зафиксирован такой опыт, а также накопленные способы и формы общения людей как особого вида

деятельности [9]. В этом подходе очевиден широкий взгляд на феномен преемственности. И в этом смысле данное определение является более абстрактным, в сравнении с приведённой выше трактовкой. Здесь прослеживается наличие философской, социальной, культурной составляющих. При этом не подчёркивается ведущая роль правового аспекта, хотя таковой, как мы считаем, является главным, хотя бы потому, что фиксируется, как правило, в конституции и определяет конституционно-правовое развитие страны, являющееся основной для прогресса всех иных сфер жизни общества и государства.

И.М. Чудинова подчёркивает возможность реализации преемственности через передачу власти одному человеку, через утвердившийся статус политической элиты, через реализацию политического курса [9].

Конечно, все перечисленные составляющие связаны друг с другом, и зачастую их трудно разграничить по очевидным причинам. Например, одна и та же политическая элита, как правило, стремится проводить одинаковый политический курс, даже если такая элита отчасти обновилась. Человек, которому передана власть от прежнего лидера, очевидно, будет придерживаться во многом аналогичного курса, даже если предпримет какие-либо меры преобразовательной направленности.

То есть сущность преемственности в конституционно-правовом развитии уточнена в теоретическом смысле. В практике же конституционно-правового развития она проявляется по-разному, поэтому важно рассмотреть пример России, для которой преемственность заложена в Основном Законе страны – Конституции РФ. Уже в преамбуле данного правового акта упоминается о сохранении исторически сложившегося государственного единства, уважении памяти предков, а также об ответственности перед нынешним и будущим поколениями. Таким образом, авторы Конституции подчеркнули особую роль преемственности государственно-правового развития, а также отразили заботу о том, чтобы указанный принцип был сохранён и для будущих поколений, как

некоторое связующее звено между прошлым и настоящим, настоящим и будущим.

Конечно, анализируемые идеи преемственности лишь на первый взгляд кажутся декларативными. И было бы ошибкой считать их таковыми в действительности. Значение указанных идей не является сугубо формальным, так ряд конституционных норм абсолютно однозначно отражает сохранение и реализацию принципа преемственности.

Во-первых, в ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ провозглашён статус Российской Федерации как правопреемника (правопродолжателя) СССР в пределах своей территории. Данная норма является главным подтверждением реальности реализации принципа преемственности в российской правовой политике. Особая роль правопреемства здесь выражается, прежде всего, в том, что достижения, полученные нашим государством в советский период, являются безоговорочным наследием современной России. И указанный аспект правопреемства носит основополагающий характер не только для реализации российской политики внутри страны, но и для участия в международных отношениях. Несомненным подтверждением последнего является Устав ООН [2], который закрепляет в числе участников данной Организации именно СССР, а не Российскую Федерацию. По этой причине правопреемстве России по отношению к СССР жизненно важно, так как означает, что Россия, как законный правопродолжатель Союза ССР, реализует все права и обязанности последнего в рамках участия в указанной Организации

Особо значимым для России элементом правопреемства является статус ядерной державы, который унаследован именно СССР. Это обстоятельство означает, что основополагающий характер принципа преемственности не может быть и не должен ставиться под сомнение ни в каком контексте.

В ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ идеи преемственности в развитии Российского государства отражены более широко, но не с точки зрения юриспруденции, а с позиции истории, культуры и религии, что выражается в

признании значимости тысячелетней истории, вере в Бога и прямом упоминании преемственности. То есть рассматриваемый принцип реализуется не только в сугубо формальном ключе, но и в историко-культурном и религиозном аспекте.

Упоминание веры в Бога, однако, не означает, что светский характер Российского государства ставится под сомнение. Думается, что авторы поправок стремились лишь создать основу для признания всех традиционных для России религиозных конфессий, а не условия для сакрализации власти или для внедрения в государственное управление религиозных институтов. Поэтому упоминание Бога, как нам представляется, здесь является лишь своеобразной данью культурно-историческим традициям.

Особой составляющей преемственности в развитии является уважение и охрана памяти защитников Отечества, о чем говорится в ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ. Во взаимосвязи с ч.ч. 1 и 2 ст. 67.1 это означает, в частности, что в контексте преемственности в России чтят память не только тех, кто защищал Российское государство в современную эпоху, то есть после распада СССР, но и защитников Советского государства, также защитников предшествовавших ему Российской Империи, Московского государства, Древнерусского государства.

Однако очевидно, что уважение памяти предков и, в том числе, защитников Отечества прошлых эпох не может и не должно расцениваться как стремление к сохранению безусловно всех идей, которые в те или иные эпохи формировали отечественную государственность и право. Иными словами, уважение памяти защитников, например, Российской Империи, не означает стремление к сохранению монархических традиций в их исконном виде.

В определённой степени важность сохранения преемственности отмечена и в ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ, где говорится, в частности, об уважении к старшим, а также о воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма.

Рассмотренная статья была включена в состав Конституции РФ в 2020 г., что означало, безусловно, значимую трансформацию российской конституционно-правовой политики в последние годы. Конечно, отсутствие

указанных норм в прежние годы не означало отрицание особой роли преемственности. Но, тем не менее, государство уделяло реализации данного принципа необоснованно мало внимания. Сейчас же этот недостаток конституционного законодательства можно считать устранённым, что должно расцениваться сугубо положительно.

На обеспечение преемственности конституционно-правового развития нацелены и некоторые другие нормы Основного Закона. Так, в п. «в» ч. 1 ст. 114 в числе полномочий Правительство РФ перечисляется проведение политики в области «сохранения традиционных семейных ценностей», что в современном мире, где такие ценности ставятся под угрозу, становится особенно важным.

В ч. 1 ст. 131 Конституции РФ подчёркивается учёт исторических и иных местных традиций применительно к организации местного самоуправления и определению территории муниципальных образований. Это тоже можно считать важной составляющей принципа преемственности.

Принцип преемственности в конституционно-правовом развитии получил неоспоримое научное обоснование, несмотря на то, что в отдельности он рассматривается крайне редко. Например, А. В. Губайдуллин описывает процессы преемственности как фактор, обуславливающий изменения и совершенствование самых различных правовых явлений и процессов [5, с. 5]. С этим тезисом трудно не согласиться, ведь даже кардинальные преобразования в каком-либо аспекте правовых отношений, основанные на изменении законодательства, происходят, в том числе, под влиянием уже имеющихся достижений и правового наследия.

Достаточно убедительный пример приводит А. В. Александрова, ссылаясь на Конституцию СССР 1936 г., которая в своё время стала основой социального прогресса общества и государства в части обеспечения социальных гарантий населению. Права социального характера, которые указанная Конституция обеспечила советским гражданам, в дальнейшем хотя и трансформировались, но в целом сохраняли свой характер. Причём и многие

зарубежные страны их заимствовали, обеспечивая последующее конституционное развитие на этой основе [4].

Сегодня социальные права и свободы человека, декларируемые в нормах Конституции РФ, можно считать в том числе и результатом заимствования достижений советского правового, социально-экономического и политического развития. И в этой связи предусмотренные российской Конституцией социальные права и свободы являются определённым проявлением преемственности по отношению к советскому праву, несмотря на наличие принципиальных противоречий между современными и советскими представлениями о праве и демократии. То есть современные капиталистические основы российской государственности и права не помешали, следуя принципу преемственности, заимствовать определённые социальные идеи у идеологически отличного Советского государства, которое существовало на социалистических (антибуржуазных) принципах.

Важно, как мы считаем, не сводить принцип преемственности к реализации какого-либо одного аспекта развития государства и права в духе традиций, так как преемственность – комплексное понятие. Подобного мнения придерживаются, например, А. Н. Морозов и А. А. Каширкина, выделяющие в ней формально-юридическую, историческую и духовную составляющие [6, с. 123].

Преемственность конституционно-правового развития в современной российской истории особенно отчётливо проявилась при переходе России к самостоятельному развитию после распада СССР, а также при реализации конституционной реформы 2020 г. Так, при переходе России от советского строя к современному преемственность была обеспечена принятой в 1993 г. При ее сравнении с Конституцией СССР 1977 г. [3], несмотря на наличие принципиальных различий, в том числе идеологических (Советское государство строилось на социалистической основе, а современная Россия – на капиталистической), ясно прослеживаются значимые сходства: во многом

идентична структура обеих конституций, формулировки их норм, система власти, разделенная на три ветви, набор конституционных прав и обязанностей. Особо важно подчеркнуть сохранение в современной России прежнего федеративного устройства, а также деления страны на области, края, республики и пр.

Однако выделенные сходства не означают, что современный порядок полностью идентичен советскому, в том числе по перечисленным параметрам. Так, многие права и обязанности в современной России кардинально пересмотрены, особенно в части регулирования права собственности и права на занятие предпринимательской деятельностью. Система власти, хотя по-прежнему разделена на три ветви, но уже существенно отличается от прежней: в настоящее время самостоятельность каждой из ветвей весьма существенна, чего нельзя сказать о советском конституционном строе.

Относительно реформы 2020 г., в результате которой Конституция РФ была дополнена рядом норм, в том числе положениями, закрепляющими статус России как правопродолжателя СССР, а также принцип преемственности как основу государственной политики и правового развития, можно сказать, что она была закономерной. Причем, как пишет Т. Я. Хабриева, указанная реформа не прервала и не нарушила конституционной стабильности, не повлекла демонтажа правовой системы, а обеспечила правовую эволюцию [8, с. 7].

Признавая особую роль рассматриваемого принципа, согласимся с И. М. Чудиновой, что при отсутствии преемственности теряются достижения прежних лет, что может повлечь торможение поступательного развития. И именно этим отказ от преемственности опасен. С другой стороны, преувеличение роли преемственности тоже чревато негативным эффектом, а именно консервацией процесса модернизации [9].

Заключение

Преемственность является неотъемлемым принципом конституционно-правового развития современной России, что совершенно закономерно, причём

как с точки зрения сохранения духовно-нравственного и культурного наследия, так и с точки зрения поддержания статуса России на международной арене как одного из ключевых участников ООН и ядерной державы, поскольку Россия – законный правопродолжатель Советского Союза. Это означает недопустимость отказа от принципа преемственности ни под каким предлогом.

Принцип преемственности, однако, не должен создавать препятствий для модернизации страны в правовом, экономическом и любом ином развитии, а значит необходимо придерживаться определённого баланса: сохраняя преемственность, не препятствовать прогрессу.

Нормы, внесённые в Конституцию РФ в результате реформы 2020 г., следует расценивать как обоснованные, потребность в которых уже давно назрела. В этой связи статус России как правопродолжателя СССР, не должен расцениваться в качестве юридической основы для перехода к социалистическому пути развития экономики. Обеспечение права собственности и права на ведение предпринимательской деятельности должно рассматриваться не в контексте противоречий с советскими идеалами, которые в определённой степени оцениваются положительно, а как результат определённой правовой эволюции.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
2. Устав Организации Объединённых Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Конституция (Основной Закон) Союз Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР

девятого созыва 07.10.1977) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 619. – прекратила действие.

4. Александрова А. В. Социальные права как элемент преемственности в Российском конституционном праве // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6, № 2(22). С. 11–20.

5. Губайдуллин А. Р. Преемственность в правореализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань 2006. 28 с.

6. Морозов А. Н., Каширкина А. А. Конституционные преобразования в Российской Федерации и взаимодействие международного и внутригосударственного права: преемственность и новизна // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 1. С. 120–141.

7. Ряховская Т. И. Преемственность в конституционном праве в контексте конституционной самобытности // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 2. С. 30–44.

8. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 1. С. 6–12.

9. Чудинова И. М. «Преемственность власти» // Социально-гуманитарные знания. 2010. №. 6. С. 46–53.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».

2. Ustav Organizacii Ob``edinenny`x Nacij (Prinyat v g. San-Francisko 26.06.1945) (s izm. i dop. ot 20.12.1971) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».

3. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuz Sovetskix Socialisticheskix Respublik (prinyata na vneocherednoj sed`moj sessii Verxovnogo Soveta SSSR devyatogo

sozy`va 07.10.1977) // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1977. № 41. St. 619. – prekratila dejstvie.

4. Aleksandrova A. V. Social`ny`e prava kak e`lement preemstvennosti v Rossijskom konstitucionnom prave // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. 2018. T. 6, № 2(22). S. 11–20.

5. Gubajdullin A. R. Preemstvennost` v pravorealizacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan` 2006. 28 s.

6. Morozov A. N., Kashirkina A. A. Konstitucionny`e preobrazovaniya v Rossijskoj Federacii i vzaimodejstvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava: preemstvennost` i novizna // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. T. 26, № 1. S. 120–141.

7. Ryaxovskaya T. I. Preemstvennost` v konstitucionnom prave v kontekste konstitucionnoj samoby`tnosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25, № 2. S. 30–44.

8. Xabrieva T. Ya. Konstitucionnaya reforma v Rossii v koordinatax universal`nogo i nacional`nogo // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2021. T. 17, № 1. S. 6–12.

9. Chudinova I. M. «Preemstvennost` vlasti» // Social`no-gumanitarny`e znaniya. 2010. №. 6. S. 46–53.

Научная статья

УДК 342.7:349.6

СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О СОСТОЯНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

**Рохов Диего, Ph.D., Калифорнийский университет, Ирвайн, Калифорния,
США, rochovd_cal89@outlook.com**

Аннотация

В статье рассматривается право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, закреплённое в ст. 42 Конституции РФ. В процессе изучения вопроса подчёркивается взаимосвязь данного права с другими экологическими правами, а также с гарантиями свободы информации, на основании чего делается вывод о двойственном характере рассматриваемого права (сочетание экологической и информационной составляющих). Затрагивается терминологический вопрос, а именно содержание понятий «экологическая информация» и «окружающая среда» в рамках Закона об охране окружающей среды. Исходя из этого отмечается неконкретизированность анализируемого права. Ключевой проблемой законодательного определения содержания права на экологическую информацию автор считает отсутствие чётких требований к новизне публикуемой экологической информации, в результате чего многие данные о состоянии окружающей среды публикуются спустя продолжительное время, с запозданием вплоть до двух лет. Обращается внимание на нефункциональность интерактивной карты, что означает фактическое её отсутствие. Предлагается законодательно уточнить конституционное право на достоверную экологическую информацию не только с точки зрения перечня информации, но и с точки зрения её характеристик, в том числе новизны.

Ключевые слова: загрязнение окружающей среды, информация о состоянии окружающей среды, конституционные права, Конституция РФ, права человека, право на информацию об окружающей среде, экологическое право

Original article

THE CONTENT OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO RELIABLE INFORMATION ABOUT THE STATE OF THE ENVIRONMENT

Diego Rochow, Ph.D., University of California, Irvine, California, USA

Abstract

The article examines the right to reliable information about the state of the environment, enshrined in Article 42 of the Constitution of the Russian Federation. In the process of studying the issue, the interrelation of this right with other environmental rights, as well as with guarantees of freedom of information, is emphasized, on the basis of which a conclusion is drawn about the dual nature of the right under consideration (a combination of environmental and informational components). The author touches upon a terminological issue, namely the content of the concepts of "environmental information" and "environment" within the framework of the Law on Environmental Protection. Based on this, the lack of concretization of the analyzed law is noted. The author considers the key problem of the legislative definition of the content of the right to environmental information to be the lack of clear requirements for the novelty of published environmental information, as a result of which many environmental data are published after a long time, with a delay of up to two years. Attention is drawn to the non-functionality of the interactive map, which means that it actually does not exist. It is proposed to legislatively clarify the constitutional right to reliable environmental information not only in terms of the list of information, but also in terms of its characteristics, including novelty.

Keywords: environmental pollution, information about the state of the environment, constitutional rights, the Constitution of the Russian Federation, human rights, the right to information about the environment, environmental law

Введение

Окружающая среда – это, во многом, определяющий фактор благополучия жизни человека. И в целом как общество, так и государство, являющееся

результатом развития последнего, зависят от состояния окружающей среды (природы), которая в условиях научно-технического прогресса и довольно динамичного развития промышленности оказывается не в лучшем состоянии, поскольку загрязняется и подвергается иным негативным воздействиям. Из этого следует значимость вопроса обеспечения экологического благополучия и информационной составляющей как одного из условий такого благополучия. Поэтому право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды закономерно получило закрепление в системе конституционных прав (прав человека). В свою очередь, конституционный статус указанного прав опосредует актуальность выбранные темы.

Основная часть

В ст. 42 Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ) одновременно закреплено право каждого на:

- 1) благоприятную окружающую среду;
- 2) достоверную информацию о состоянии окружающей среды;
- 3) возмещение ущерба, которые нанесен здоровью или имуществу в результате экологического правонарушения.

Перечисленные права, учитывая их комплексное закрепление в одной статье, можно рассматривать как систему или, по крайней мере, совокупность экологических прав граждан и как важную составляющую экологического законодательства, экологического права как отрасли. Право же на информацию о состоянии окружающей среды может рассматриваться как в качестве относительно самостоятельного в системе других экологических прав, так и в качестве единого комплексного права на благоприятную окружающую среду.

Авторы Конституции РФ не уточнили деталей ни права на информацию о состоянии окружающей среды, ни содержания других экологических право. В то же время конституционные нормы вполне явно отражают тесную взаимосвязь рассматриваемого права с другими конституционными правами, на что тоже целесообразно обратить внимание. Например, ст. 29 Конституции РФ

гарантирует каждому право «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом...» (ч. 4), также свободу массовой информации и устанавливает запрет цензуры (ч. 5). Указанные права и гарантии в определённой степени способствуют реализации конституционного права на информацию о состоянии окружающей среды. В вместе рассматриваемое право на информацию о состоянии окружающей среды и правовые гарантии свободы, зафиксированные в ст. 29, можно считать важнейшими элементами информационных прав граждан. То есть рассматриваемое право на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды – это одновременно и экологическое право, и информационное; в чем выражается его двойственность. При этом экологический характер рассматриваемого права представляется более значимым, чем информационный.

Рассмотренные нормы Конституции РФ свидетельствует о чрезвычайно размытом и абстрактном закреплении как экологических прав в целом, так и права на информацию о состоянии окружающей среды. Регламентируя указанное право, авторы Основного Закона страны не уточнили, какая именно информация охватывается указанным правом, делегировав, таким образом, решение указанной задачи разработчикам экологического законодательства. К нему и обратимся.

Ключевым источником здесь можно считать Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» [2] (далее – Закон об охране окружающей среды), в ст. 1 которого представлены определения ключевых понятий, в том числе, информации о состоянии окружающей среды (экологической информации), окружающей среды, ее составляющих и пр. В деталях рассматривать все определения в данном случае нет необходимости, однако на отдельные аспекты внимание обратить стоит.

Прежде всего, подчеркнем, что экологическая информация указанной норме трактуется с учетом двух аспектов:

- 1) содержательного;
- 2) временного.

С точки зрения содержания указанная информация включает в себя следующие сведения об окружающей среде:

- 1) о ее состоянии;
- 2) о ее загрязнении;
- 4) о происходящих в ней процессах и явлениях;
- 5) о воздействии на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности;
- 6) о природоохранных мероприятиях.

Временной аспект экологической информации предполагает включение в нее данных:

- 1) ретроспективных;
- 2) текущих;
- 3) перспективных (прогнозируемых и (или) планируемых).

Примечательно, что в определении понятия «экологическая информация» не уточняется круг элементов окружающей среды. Но он конкретизируется в рамках отдельного определения и охватывает «совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов». В этой связи весьма спорным остаётся вопрос о том, какие же именно антропогенные объекты надлежит учитывать в целях оценки состояния окружающей среды? Рассматриваемый закон не даёт ответа на данный вопрос. В то же время такие объекты однозначно включаются в состав окружающей среды, а значит, и в состав информации об окружающей среде, право на доступ к которой имеет каждый, согласно Конституции РФ.

В контексте рассматриваемой нормы важно подчеркнуть, что понятие экологической информации выходит далеко за рамки сведений о природной среде, и думается, что такой взгляд законодателя обоснован, так как, например, антропогенные объекты зачастую, находятся в неразрывной связи и

взаимозависимости с природными объектами. В частности, состояние атмосферного воздуха может быть значимой характеристикой, отражающей состояние антропогенного объекта, например, жилого дома. С учётом изложенного вопрос о том, что же надлежит включать в экологическую информацию, право на которую имеет каждый, согласно Конституции РФ, становится ещё более сложным.

На неконкретизированность характеристик экологической информации указывается и в литературе. Например, Е. Н. Близнова подчёркивает, что рассматриваемое право законодательно не конкретизировано с позиции его содержания, а это делает невозможным практическую реализацию данного права [4, с. 241]. С данным мнением отчасти можно согласиться. Но в то же время нельзя сказать, что данное право в России не реализуется.

Если выйти за рамки Конституции РФ и указанного Закона, обратить внимание на то, что экологическое законодательство включает в себя также широкий круг других федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов, предусматривающих открытость многих данных относительно тех или иных элементов окружающей среды, то можно прийти к противоположному выводу, о детализированном характере регулирования рассматриваемого права [5, с. 73].

Думается, что указанные противоречия кроются в несистематизированности экологического законодательства. Закон об охране окружающей среды, который по замыслу законодателя должен был иметь обобщающее, объединяющее значение и в целом регламентировать базовые вопросы рассматриваемой сферы, свои функции выполняет не в полной мере. Для такой обширной сферы регулирования, как охрана окружающей среды, рассматриваемого Закона явно недостаточно, и отдельные вопросы охраны окружающей среды регулируются специальными федеральными законами и подзаконными нормативными правовыми актами, каждый из которых отражает те или иные нюансы реализации экологических прав граждан, в том числе и

права на экологическую информацию. Поэтому, с одной стороны прослеживается неопределённость в регламентации перечня сведений, которые включаются в конституционное право граждан на получение экологической информации, с другой стороны имеет место неопределённо широкий круг источников законодательства, регламентирующих вопросы реализации рассматриваемого права в отдельных аспектах.

Если рассматривать право на экологическую информацию в целом, то неотъемлемым компонентом, обеспечивающим его реализацию, выступает обязанность органов государственной власти обеспечивать население достоверной экологической информацией, о чем говорится в ст. 5 Закона об охране окружающей среды. Поэтому уточнение содержания экологической информации и, соответственно, права на экологическую информацию принципиально важно не только в контексте обеспечения интересов граждан, но и в контексте обеспечения интересов государства и представляющих его субъектов. В литературе [6, с. 131], учитывая это, высказываются предложения о модернизации действующего российского законодательства в части уточнения содержания экологической информации и соответствующего права, однако идеи пока остаются лишь на уровне научных разработок.

В этой связи говоря о необходимости дальнейшего развития экологического законодательства, нельзя не признать, что оно и до настоящего времени эволюционировало [7], хотя происходящих изменений недостаточно, по крайней мере для реализации права на экологическую информацию.

Особо значимым вопросом в контексте рассматриваемой темы является обеспечение представление актуальной информации. Представляемая на официальных порталах экологическая информация не всегда соответствует данному критерию [8, с. 108]. И причина этого вполне ясна: с точки зрения содержания актуальных данных право на экологическую информацию в действующем законодательстве не урегулировало недостаточно

систематизированно и детально. При этом нет нормативно установленных жестких требований касательно степени новизны экологических данных.

Подтверждая изложенное, отметим, что, например, Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды России за 2022 г. [3] был представлен на официальном портале Минприроды лишь 6 декабря 2023 г. То есть давность отдельной информации, представленной в Докладе, составляет полтора года или более на момент его публикации. В то же время причины, по которым Доклад можно дать назвать запоздавшим, вполне ясны: это достаточно объёмный документ, представленный на 687 листах, а потому его подготовка отличается трудоемкостью.

Стоит затронуть и вопрос интерактивного представления данных. Действующим законодательством этот вопрос регламентирован недостаточно, в результате чего реализованы лишь некоторые возможности данного инструмента представления права на экологическую информацию. Например, официальный портал Минприроды России содержит интерактивную карту, где как нам представляется, должна содержаться актуальная информация об экологическом состоянии территория России. Однако данная карта отражает лишь некоторые общие сведения, прежде всего, об объектах контроля (их перечни, наименования, адреса расположения). Такие характеристики окружающей среды, как состояние водных объектов, воздуха, земельных ресурсов, на интерактивной карте не представлены.

Заключение

Российское законодательство гарантирует каждому право на достоверную экологическую информацию, которое при этом носит конституционный характер. Однако ни Конституция РФ, ни какие-либо федеральные законы не содержат исчерпывающего перечня экологической информации и её характеристик. Это позволяет сделать вывод о недостаточной регламентации содержания рассматриваемого права, особенно в части новизны экологической информации. Такой инструмент, как интерактивная карта, который мог бы быть

использован для официальной публикации данных о состоянии окружающей среды (прежде всего, атмосферного воздуха, почвы, вод, животного и растительного мира) России, ее регионов и муниципальных образований, фактически отсутствует.

Изложенное означает необходимость законодательного уточнения конституционного права на достоверную экологическую информацию не только с точки зрения ее перечня, но и с точки зрения её характеристик, в том числе такой характеристики, как новизна.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» // Российская газета. 2002. № 6.
3. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году // Сайт Минприроды России. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/
4. Близнова Е. Н. Конституционное право на достоверную информацию об окружающей среде в РФ: сущность и содержание // Наука. Общество. Государство. 2013. № 1 (1). С. 240–245.
5. Гончаров В. В. [и др.]. Эволюция понятия конституционного права граждан Российской Федерации на достоверную информацию о состоянии окружающей среды // Вопросы политологии. 2020. Вып. 1 (53). Т. 10. С. 68–79.
6. Оленина Т. Ю. Понятие экологической информации в российском законодательстве // Legal Concept. 2018. Т. 17. № 2. С. 126–133.
7. Савченко М. С., Грицай Д. В. Эволюция понятия конституционного права граждан Российской Федерации на достоверную информацию о состоянии

окружающей среды // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 33. № 1. С. 61–67.

8. Сусликова К. С. О конституционном праве на достоверную информацию об окружающей среде и некоторых проблемах его реализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1(52). С. 104-110.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Federal'nyj zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (red. ot 08.08.2024) «Ob ohrane okruzhayushhej sredy» // Rossijskaya gazeta. 2002. № 6.
3. Gosudarstvennyj doklad o sostoyanii i ob ohrane okruzhayushhej sredy` Rossijskoj Federacii v 2022 godu // Sajt Minprirody` Rossii. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/
4. Bliznova E. N. Konstitucionnoe pravo na dostovernuyu informaciyu ob okruzhayushhej srede v RF: sushhnost' i sodержanie // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. 2013. № 1 (1). S. 240–245.
5. Goncharov V. V. [i dr.]. E`volyuciya ponyatiya konstitucionnogo prava grazhdan Rossijskoj Federacii na dostovernuyu informaciyu o sostoyanii okruzhayushhej sredy` // Voprosy` politologii. 2020. Vy`p. 1 (53). T. 10. S. 68–79.
6. Olenina T. Yu. Ponyatie e`kologicheskoy informacii v rossijskom zakonodatel'stve // Legal Concept. 2018. T. 17. № 2. S. 126–133.
7. Savchenko M. S., Griczaj D. V. E`volyuciya ponyatiya konstitucionnogo prava grazhdan Rossijskoj Federacii na dostovernuyu informaciyu o sostoyanii okruzhayushhej sredy` // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. Т. 33. № 1. S. 61–67.

8. Suslikova K. S. O konstitucionnom prave na dostovernuyu informaciyu ob okruzhayushhej srede i nekotory`x problemax ego realizacii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2023. № 1(52). S. 104-110.

Научная статья

УДК 342.9

ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ В ЧАСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕЛЕЙ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ В СТ. 3.1 КОАП РФ

Джеффрис Саманта, Ph.D., профессор (доцент) Школы криминологии и уголовного правосудия, Университет Гриффита, mfuadi_ikramid@mail.ru

Аннотация

Автором анализируется проблематика законодательного закрепления целей административного наказания в ст. 3.1 КоАП РФ, в рамках чего рассматриваются положения указанной статьи как в целом, так и в аспекте отдельных целей наказания. Обосновывается значимость правовой регламентации целей, предпосылкой которой названо определение задач законодательства об административных правонарушениях; при этом указывается на частичное пересечение целей административного наказания с задачами законодательства об административных правонарушениях. Изучаются аналогичные положения уголовного законодательства, где в круг целей включено и восстановление социальной справедливости. В этом автор видит существенное формальное отличие целей уголовного наказания. Аргументируется нацеленность административного наказания на предупреждение совершения не только административных правонарушений, но и преступлений, в том числе и ввиду наличия института административной преюдиции. Отмечаются приводимые в литературе мнения, исходя из которых фактический спектр целей наказания более широк, нежели представленный в КоАП РФ. Обосновывается необходимость дополнения ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ целями восстановления социальной справедливости, предупреждения совершения уголовно наказуемых деяний самим правонарушителем и другими лицами, содействия формированию законопослушного поведения правонарушителя и иных лиц.

Ключевые слова: административная ответственность, административное наказание, восстановление социальной справедливости, КоАП РФ, предупреждение правонарушений, цели административного наказания

Original article

LEGAL GAPS REGARDING THE DEFINITION OF THE PURPOSES OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENT IN ARTICLE 3.1 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Jeffries Samantha, Ph.D., Professor (Associate Professor) of the School of Criminology and Criminal Justice, Griffith University

Abstract

The author analyzes the problems of legislative consolidation of the goals of administrative punishment in Article 3.1 of the Administrative Code of the Russian Federation, within which the provisions of this article are considered both in general and in the aspect of individual goals of punishment. The importance of the legal regulation of goals is substantiated, the prerequisite of which is the definition of the objectives of legislation on administrative offenses; at the same time, it is pointed out that the objectives of administrative punishment partially overlap with the objectives of legislation on administrative offenses. Similar provisions of criminal legislation are being studied, where the restoration of social justice is also included in the scope of goals. The author sees in this a significant formal difference in the objectives of criminal punishment. The author argues that administrative punishment is aimed at preventing the commission of not only administrative offenses, but also crimes, including due to the existence of the institution of administrative prejudice. The opinions cited in the literature are noted, based on which the actual range of purposes of punishment is wider than that presented in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The article substantiates the need to supplement Part 1 of Article 3.1 of the Administrative Code of the Russian Federation with the goals of restoring social justice, preventing the commission of criminally punishable acts by the

offender himself and others, and promoting the formation of law-abiding behavior of the offender and others.

Keywords: administrative responsibility, administrative punishment, restoration of social justice, Administrative Code of the Russian Federation, prevention of offenses, purposes of administrative punishment

法律中的差距确定的目的行政处罚在第 3 条第 1 款的行政代码俄罗斯联邦

Джеффрис 萨曼莎*杰弗里斯, 博士学博士, 教授(副教授)学校的犯罪学和刑事司法, 格里菲斯大学, mfuadi_ikramid@mail.ru

注释

提交人分析的问题的巩固的立法目标的行政处罚在第 3 条第 1 款的行政代码俄罗斯联邦的框架内, 其本条规定被认为是两个在一般和方案的个人目标的惩罚。提交人证实的重要性的法律规定的目标, 先决条件是该定义的任务的立法, 对行政违法行为; 同时, 它指出, 这些目标的行政处罚部分重叠的任务的立法, 对行政违法行为。类似的规定, 刑法正在进行了研究, 其中恢复的社会正义也包括在范围的目标。在此, 提交人认为显著的正式差异的目标的刑事处罚。它认为, 行政处罚是旨在防止委员会不仅行政违法行为, 也是犯罪行为, 包括由于存在该机构的行政管理 偏见. 提交人指出该意见引用的文献中, 基于其实际范围的目标的惩罚是更广泛的比, 呈现在的行政代码俄罗斯联邦。文章的证实需要补充部分 1 的第 3 条第 1 款的行政代码俄罗斯联邦的目标是恢复社会公正, 防止委员会应受刑事处罚的行为的罪犯和其他人员, 并促进形成遵纪守法行为的罪犯和其他人。

关键词: 行政责任, 行政惩罚, 恢复社会的司法、行政代码俄罗斯联邦、预防犯罪, 目的行政处罚

介绍

确定基本目标的惩罚是一个不可分割的组成部分的法律法规的法律责任，包括行政责任。它的目标设定的矢量中按照其规范责任的一般和惩罚特定的发展。

俄罗斯立法者的办法解决这一问题相当彻底时调节的每一类型的赔偿责任。然而，这并不排除存在一些缺陷的立法条文的目的惩罚，至少在有关行政处罚。3.1 的行政罪行的俄罗斯联邦[] (以下称为行政代码俄罗斯联邦)。

主要的部分

作为目的的行政处罚，第 1 部分的第 3 条第 1 款的行政代码俄罗斯联邦宣布的防止犯下新罪行的罪犯本人是绳之以法，在一个特定的情况，并通过其他人。这反映了极端的简明的监管的目的审议，并提出了一些问题有关的可能性和可行性添加到这个清单的目标都应该是研究在这篇文章。

在这里，它也是重要的是要注意到第 2 部分的第 3 条第 1 款，其中不包括审议如可能的目标的屈辱的尊严的一个人，造成他的肉体痛苦，以及损害名誉的组织。

当描述这些目标，这是不可能不注意到第 1 条第 2 款的行政代码俄罗斯联邦，其定义为任务的立法，对行政违法行为：

- 1) 人身保护；
- 2) 保护人权和公民权利和自由；
- 3) 保护公共健康和卫生和流行病福利的人口；
- 4) 保护的道德；

- 5)环境保护；
- 6)保护的程序行使国家权力、公共秩序和公共安全；
- 7)保护财产，以及保护经济利益的公民、组织、社会和国家。
- 8)防止行政违法行为。

列出的任务是重要的，因为它们的定义成为一个先决条件(必要条件)，用于指定目标相应的惩罚。同时，任务本身可以被认为是有条件地作为目标的相应惩罚，在任何情况下，这是可能的框架内理论分析。然而，它不是建议审查所使用的方法通过立法者。

在这里这是不可能不注意一个事实，保护和保护相关的权利、利益，对象是进行精确针对行政违法行为；而这也是法律上的有关的预防管理的罪行。然而，它几乎可以怀疑的这项立法在考虑直接或间接地确保了保护和保护的重要价值，不仅从行政违法行为本身，而且从应受刑事处罚的行为，也是旨在防止它们的委员会。这种细微的差别也是重要的是要考虑到当分析目标的行政处罚。

从规范上所讨论的，还有一个非常明显的重叠之间目标的行政处罚和任务的立法，对行政违法行为。此外，它几乎是不可能清楚地区分的目的和目标在某些方面。因此，预防犯罪是挑出其中的目的和目标，这表明存在一个非常具体的重复。然而，这些目标的惩罚，在这种情况下，更具体，因为有一个指

示的特定主题的人犯有行政罪行，虽然目标的惩罚在一般超出的影响，在这样一个问题，并涉及到所有人可能犯有的罪行无一例外。

规范性固定的目标的惩罚已不只是形式上的，但也有实际意义，它证实的材料的司法实践中，这经常表明的实现或不实现这些目标的行政处罚框架的评估的某些司法行为。

例如，在一个情况下，这个问题的行政违法致力于通过一个组织认为，作为其结果的行政和技术检查的罚款 100 万卢布。然而，当有吸引力的决定，监察局在法庭，罚款数额减少到 50 万卢布。商业法院，声称其决定减少刑期，得出结论认为，数量最初的刑罚不应重的罪行，并且也没有确保实现这些目标的惩罚[]。

法院的决定，该决定是合法和合理的，至少在形式上，是不成问题在这里。然而，这是不可能的，不要强调不存在的司法法案》指示的具体动机，在此基础上评估的最初实行的惩罚为不允许实现该目标的行政处罚。换句话说，它并不完全清楚为什么一个更严厉的刑(这是原来的判刑比减少一个法院)并不阻止一个特定组织和其他组织从犯的行政违法行为的未来。

它们可以假设，在这种情况下，法院考虑到不仅是目标，防止委员会的行政违法中规定第 1 部分的第 3 条第 1 款的行政代码俄罗斯联邦，但还的目标，恢复司法，它不是法律上的固定关系到行政处罚，但是事实上的假设。如果

我们继续精确，从需要恢复公正，然后是软化的句子参考的目标似乎很有道理的。

它有意义的参考规范刑法典，俄罗斯联邦[] (下称《刑法》的俄罗斯联邦)，第2部分第43条，以及私人 and 一般预防，重点恢复社会正义。的重要性，后者的目标，不可否认的，因此，立法者的做法，以确定目标的惩罚，《刑法》之下的俄罗斯联邦是评估我们作为更有系统的和全面的，与此相反的做法表明立法者在行政法规的俄罗斯联邦。

因此，毫无疑问，法院在考虑案件的行政犯罪，是指导下，除其他事项外，需要恢复社会公正，尽管事实上，该行政代码俄罗斯联邦没有正式提到这个问题有关的行政处罚。

文献中着重于问题的恢复社会正义的背景下实施的法律 responsibility。同时，它强调的是，罪行本身，特别是一种犯罪，违反了诸司法，并通过带来一个人绳之以法，法院恢复这违反了司法公正。此外，这一目标作为修正的被定罪人还指出[,p. 140].

看来，这些结论都是相关的不仅关系到刑事处罚，但也关系到行政处罚，因为任命后者，直接或间接有助于纠正犯罪者，尤其是如果我们假定，它应该防止他们犯下新的罪行，在未来，这是非常实质性的修正。

在一般情况下，恢复社会正义、两个在一般和有关行政处罚，是难以拒绝。它在很大程度上是基于《宪法》规定俄罗斯联邦[],序言部分其信仰在司法

是明确提及。从这一点来看，这变得清楚的是，任何法律应有助于维护司法和恢复它在发生的违反。在任何情况下，这是逻辑的作者基本法律的国家。

具体准则的《俄罗斯联邦宪法》不直接解决这一问题的正义，尽管它们的地址它是间接的。因此，第3部分第55条，在关系到可能限制某些权利，概述了典型的情况下，目标和动机。在同一时间，显而易见的是，立法者引导，除其他事项外，通过司法。毕竟，如果我们考虑到，任何限制，可以规定基于良好的愿望，遵守《宪法》，俄罗斯联邦，有助于维护宪法的合法性，同时任意限制的权利是不允许的，然后一定把重点放在确保社会正义可以追溯到这一点。因此，实行行政处罚的是在一定意义上说旨在确保社会正义的基础上的宪法规范。

重要的是恢复社会正义有关的行政处罚强调的是，例如，通过 G.M.Musayeva 和 A.M. Zagidiev [， p. 98]，这几乎是不可能以否认。虽然很目标的这个惩罚是不受限制的想法正义。

它是适当的，同意 B.V. Yatsenko，有一个之间的密切关系的目标的行政处罚和目标的刑事处罚[p. 80]，尤其是如果我们考虑到当前的研究所的行政管理偏见，在某些情况下，事实将行政责任的基础是把刑事责任。在这个意义上说，行政处罚，如果不是直接的，那么至少是间接的，目的是防止该委员会的犯罪行为。

一个类似的意见表示的余。P.Onokolov, 他提请注意, 缺乏这样一个目标的惩罚作为教育行政法规的俄罗斯联邦(比的行政代码俄联邦政府的), 并没有限制的预防潜在的只要领域规定的准则的行政代码俄罗斯联邦[,p. 63].

A.N.Deryuga 和 S.N.Shaklein, 认识到教育作为一个重要组成部分的目标的行政处罚, 强调需要补充范围的目标, 有形成稳定的习惯法的行为的个人[,p. 12].

它是适当的, 同意 D.D.谢尔盖耶夫, 实施行政处罚, 除其他外, 还旨在管制某些法律关系, 恢复法律关系, 履行惩罚的教养和教育的目标[, 第 596-597 页], 虽然这些都被看作是次要的。

结论

在规范的行政代码俄罗斯联邦、立法者的观点目标的行政处罚的, 一方面, 传统的, 因为它强调的是, 由于主要强调的是在一般和私人的预防。仔细看看在有关规范揭示的缺陷的立法者, 因为许多方面的目标是实际上忽略。

因此, 必要的措施是扩大范围的目标的行政处罚的第 1 部分中的第 3 条第 1 款的行政代码俄罗斯联邦, 根据它们还应该包括恢复社会公正, 防止委员会的犯罪行为的罪犯和其他人员, 并促进形成遵纪守法行为的罪犯和其他人。

列表的文献

1. 《宪法》的俄罗斯 联邦：通过民众投票在 12.12.1993(修订，批准). 在全俄罗斯会议. 投票日 01.07.2020)//俄罗斯报. 1993 年。 №237.
2. 《刑法》，俄罗斯联邦的第 63-FZ13.06.1996(经修正的关于 21.04.2025)//Sobranie zakonodatelstva RF, 1996 年，第 25 号，第 2954.
3. 法典》 Federatsii ob administrativnykh deledentsiyakh ot30.12.2001 第 195-FZ(红色。 ot07.04.2025)//Sobranie zakonodatelstva RF,2002,No.1(ch. I)。 圣 1.
4. 决议的第十三次商业上诉法院的 12.05.2025 号 13AP-4283/2025 情况下没有。 A56-104864/2024//SPS"ConsultantPlus". URL: <https://www.顾问.ru/cons/cgi/在线.cgi?req=doc&base=的区域行动方案013&n=475205&dst=100053#ztQh6mUVRaCdtFFK> (дата обращения:24.05.2025).
5. Deryuga A.N.,Shaklein S.N.的目的行政处罚//告的莫吉廖夫院的内部事务，到 2020 年，没有。 1, 第 5 至 13.
6. Musaeva G.M., ЗагидиевZagidiev A.M.Administrativnoe nakazanie:ponyatie我的自我 tseli[行政处罚：该概念及其目标]. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 3. 社会科学。 2018 年。 积 33.问题 2. pp.第 97-104.
7. Onokolov 余。 P.[预防犯罪和罪行的主要目的行政处罚]. 宝御我餐厅[法律和实践]. 2013 年。 第 2 号。 pp. 60 至 68.
8. 谢尔盖耶夫 D.D.Administrativnoe nakazanie:zadachi 我 tseli primeneniya[行政处罚：任务和目标的应用程序]. IX Yuridicheskie chteniya:materialy Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii(萨兰斯克，十一月 28-29 日，2023 年). 萨兰斯克:Ruzaevsky pechatnik,2023 年。 pp. 594-598.

9. Tasakov S.V. 恢复社会公正作为最重要的目标的惩罚 // Bulletin 的库兹巴斯的研究所. 2023 年. 第 2(55), pp.139-144.
10. Yatselenko B.V. 社会-法律性质的犯罪与行政管理 偏见 // Bulletin 俄罗斯法律学院. 2018 年. 第 2 号. 第 79-84 中.

Список литературы

11. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996 № 25. Ст. 2954.
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
14. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2025 № 13АП-4283/2025 по делу № А56-104864/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=475205&dst=100053#ztQh6mUVRaCdtFFK> (дата обращения: 24.05.2025).
15. Дерюга А.Н., Шаклеин С.Н. Цель административного наказания // Вестник Могилевского института МВД. 2020. № 1. С. 5–13.
16. Мусаева Г.М., Загидиев А.М. Административное наказание: понятие и его цели // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2018. Том 33. Вып. 2. С. 97–104.
17. Оноколов Ю.П. Предупреждение правонарушений и преступлений - основная цель административных наказаний // Право и практика. 2013. № 2. С. 60–68.

18. Сергеев Д.Д. Административное наказание: задачи и цели применения // IX Юридические чтения: материалы Национальной научно-практической конференции (г. Саранск, 28–29 ноября 2023 г.). Саранск: Рузаевский печатник, 2023. С. 594–598.
19. Тасаков, С. В. Восстановление социальной справедливости как наиболее важная цель наказания // Вестник Кузбасского института. 2023. № 2(55). С. 139–144.
20. Яцеленко Б.В. Социально-правовая природа преступления с административной преюдицией // Вестник Российской правовой академии. 2018. № 2. С. 79–84.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996 № 25. St. 2954.
3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 07.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 1 (ch. I). St. 1.
4. Postanovlenie Trinadczatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 12.05.2025 № 13AP-4283/2025 po delu № A56-104864/2024 // SPS «Konsul`tantPlyus». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=475205&dst=100053#ztQh6mUVRaCdtFFK> (data obrashheniya: 24.05.2025).
5. Deryuga A.N., Shaklein S.N. Cel` administrativnogo nakazaniya // Vestnik Mogilevskogo instituta MVD. 2020. № 1. S. 5–13.
6. Musaeva G.M., Zagidiev A.M. Administrativnoe nakazanie: ponyatie i ego celi // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Obshhestvenny`e nauki. 2018. Tom 33. Vy`p. 2. S. 97–104.

7. Onokolov Yu.P. Preduprezhdenie pravonarushenij i prestuplenij - osnovnaya cel' administrativny`x nakazanij // *Pravo i praktika*. 2013. № 2. S. 60–68.
8. Sergeev D.D. Administrativnoe nakazanie: zadachi i celi primeneniya // IX Yuridicheskie chteniya: materialy` Nacional`noj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Saransk, 28–29 noyabrya 2023 g.). Saransk: Ruzaevskij pechatnik, 2023. S. 594–598.
9. Tasakov, S. V. Vosstanovlenie social`noj spravedlivosti kak naibolee vazhnaya cel' nakazaniya // *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2023. № 2(55). S. 139–144.
10. Yacelenko B.V. Social`no-pravovaya priroda prestupleniya s administrativnoj preyudiciej // *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii*. 2018. № 2. S. 79–84.

CONTENTS

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF POWER TURNOVER IN THE PRACTICE OF RUSSIAN AND FOREIGN CONSTITUTIONALISM: POSITIVE AND NEGATIVE CONSEQUENCES	8
TO THE PROBLEM OF LEGISLATIVE ESTABLISHMENT OF THE MINIMUM AGE OF DISABILITY	21
CONTINUITY AS A PRINCIPLE OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION	33
CONTENTS OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO RELIABLE INFORMATION ABOUT THE STATE OF THE ENVIRONMENT	46
LEGAL GAPS IN DETERMINING THE PURPOSES OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENT IN ARTICLE 3.1 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	57

表格的内容

执行权力的原则营业额在实践中的俄罗斯和外国的宪政的正面和负面的后果	8
问题的立法建立的最低年龄的残疾	21
作为连续性原则的宪法和法律发展的俄罗斯联邦.....	33
内容的宪法权利的可靠信息有关的环境状况的.....	46
法律中的差距确定的目的行政处罚在第 3 条第 1 款的行政代码俄罗斯联邦..	57